

Накануне [Nakanun'ie]. No. 1 [1907]

Sankt-Peterburg: ИУ. V. Gol'dberg, [1907]

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/LBDQKPEEUN44A8T>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

+ Rare Books
Z.U. XII-39

№ 1.

НАКАНУНК

Политико-сатирический художественный сборникъ.

Цѣна 10 коп.

Д. С. Погодин

ПОСМОТРѢЛЪ ЗЕВЕСЬ НА ЗЕМЛЮ.

Посмотрѣлъ Зевесъ на землю,
Брови мрачныя нахмуря
И промолвилъ: „неужели
Разразится снова буря?
Иль опять рискнуть пигмеи,
Какъ тогда, во время оно,
Взгромоздить твердыню Оссы
На высоты Пеліона?
Удивляюсь я безмѣрно
Этой дерзости всегдашней,
Что растетъ въ ихъ сердцѣ съ каждой
Мной поверженною башней!“

— «Да, ты правъ, отецъ небесный,
И смѣшны мы и убоги.
Велика твоя держава,
Высоки твои чертоги.
Но когда ворвется въ душу
Жажда призрачныхъ созвѣздіи,
Что предъ ней твои проклятыя
И огонь твоихъ возмездій.
О, пускай сулитъ намъ гибель
Наша гордая затѣя;
Но вѣдь нѣтъ на свѣтѣ счастья
Выше муки Прометея!

А. Радзівѣвскій.

ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

Когда я утромъ выхожу изъ дому, швейцаръ снисходительно отвѣчаетъ на мой глубокой поклонъ и подаетъ мнѣ распечатанное письмо.

Я принимаю письмо и спрашиваю:

— Что? Можно?

— Валяйте смѣло. Ничего опаснаго! Вы у меня баринъ благонамѣренный, письма получаете все чистыя, отъ хорошихъ людей... Ни тебѣ про начальство, ни тебѣ про сицивилюмъ. Къ такому барину я завсегда доберъ. И ему хорошо, и мнѣ хорошо. Это не то что въ пятнадцатомъ номерѣ жилецъ: то барышни съ книжками къ нему, то студенты. Не всегда и доложить успѣешь. Немало нашему брату изъ-за нихъ, чертей, достается. А это у васъ, баринъ, что за барышня вчера была?

Я мнусь и краснѣю:

— Такъ, родственница...

— Да ничего, баринъ. Господь съ вами! На счетъ этого—сколько угодно. Нешто мы не понимаемъ? Тоже вѣдь и вы человѣкъ живой, кровь играетъ... Хе-хе-хе... Я справляюсь о здоровьѣ семьи моего хранителя:

— Супруга надѣюсь, въ добромъ здоровьѣ? Какъ дѣточки? утѣшаютъ?

— Ничего! Жена здорова, какъ корова. И ребята слава Богу. Прыгаютъ. Что имъ дѣется?

— А газеты нынче получены?

— Получены-то, получены, только „Товарища“, извините, я конфисковалъ. Нельзя: съ насъ вѣдь тоже взыскиваютъ. Что хорошаго! Народъ вѣдь теперича какой пошелъ! Непутевый народъ. Нынче „Товарища“

читаетъ, а завтра, смотришь, и самъ бомбу бросать идетъ. Усмотришь за имъ! Да и мало ли хорошихъ газетинъ-то? Читай „Русское Знамя“, мы всѣ его читаемъ, никто тебѣ слова не скажетъ. Вотъ Вы, баринъ, къ примѣру взять: хорошій вы господинъ, и въ участкѣ на добромъ счету. Никто къ вамъ, вы ни къ кому, переписка ваша вся у меня какъ на ладони... Одно плохо, зачѣмъ „Товарища“ выписали? Бросьте. Какъ отецъ родной говорю, бросьте: читайте „Русское Знамя“, али „Чернаго Сокола“.

— Хорошо, брошу!—соглашаюсь я.

— Ну, то-то. А то долго ли до грѣха? Пошелъ я въ участокъ, доложилъ—такъ, молъ, и такъ,—а васъ въ ту же ночь и забрали. Вамъ безпокойство, намъ непріятности. А такъ—тихо, мирно, благородно.

Я мнусь съ ноги на ногу и не рѣшаюсь прервать рѣчь. Вѣдь это не кто-нибудь, не профессоръ, а швейцаръ. Шутка сказать!

— Оно, можетъ вамъ, баринъ, и скучно слушать, а долженъ я васъ на путь наставить, потому какъ я надъ вами теперича начальникъ и за васъ передъ нихъ высокоблагородіемъ господиномъ приставомъ отвѣтъ держу... Ужъ такая у насъ конституція.

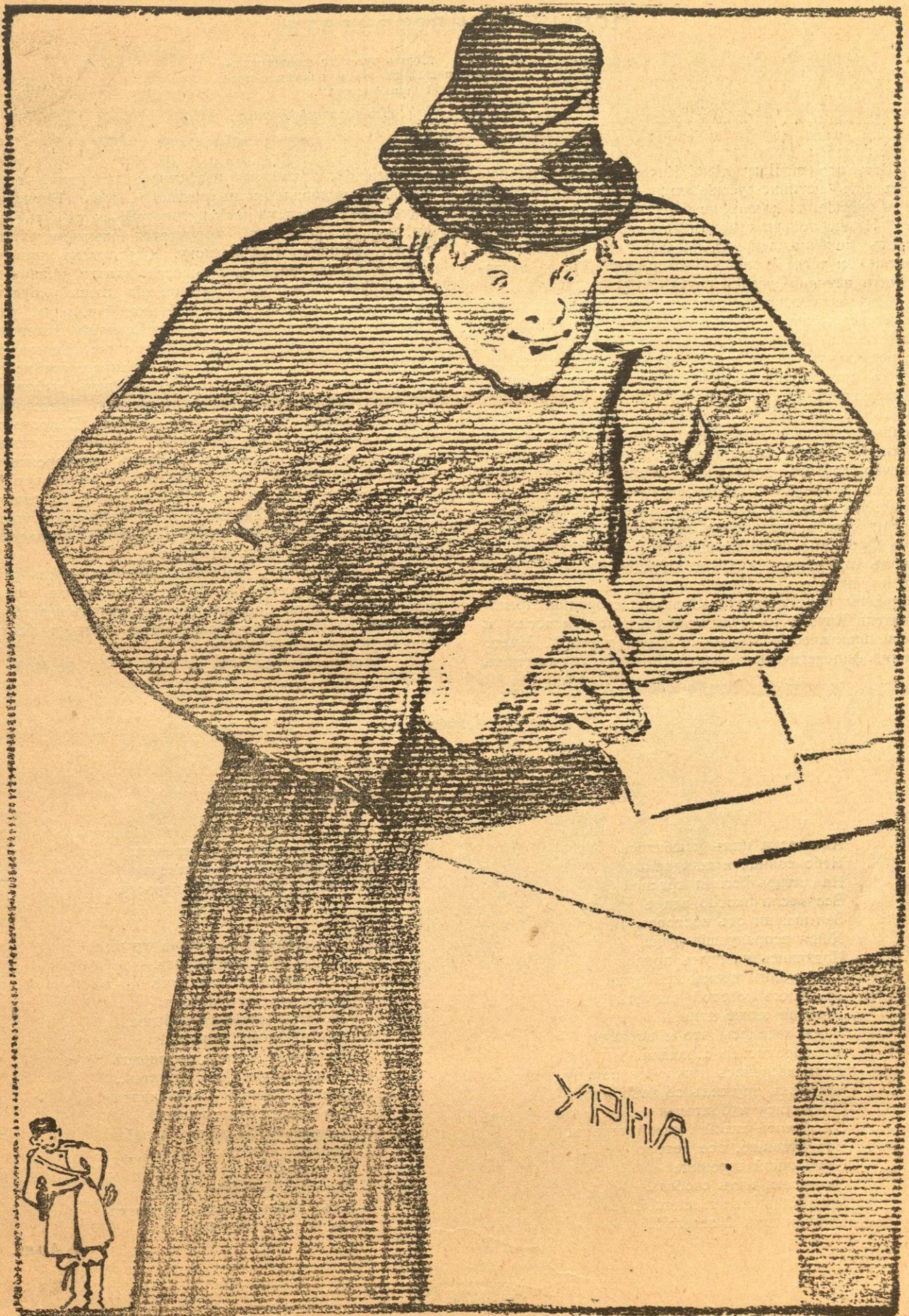
Я роюсь въ портмонѣ, достаю три рубля и протягиваю моему хранителю. Онъ великодушно подаетъ мнѣ три пальца и отечески произноситъ:

— Идите съ Богомъ. Да поздно не приходите. По митингамъ не шляйтесь...

Я выхожу на улицу, вздыхаю и думаю:

— И за что это такъ хвалятъ швейцарскую конституцію?

Хиурый.

Новый университетъ.

„Союзъ русскаго народа предполагаетъ открыть истинно-русскій университетъ“.

Изъ газетной хроники.

Вотъ это, ей-Богу, дѣло! Наконецъ-то додумались. Разъ есть истинно-русскіе люди, совсѣмъ не такіе, какъ русскіе, то отчего не быть истинно-русской наукой? Нужно только открыть истинно-русскій университетъ (конечно, закрывъ предварительно всѣ просто русскіе), и тогда дѣло въ шляпѣ. Итакъ, да здравствуетъ истинно-русская наука!

Духъ захватываетъ, когда подумаешь, какія предъ нами раскрываются перспективы. Конечно, ректоромъ университета будетъ извѣстный магистръ Борисъ Никольскій, который въ день открытія университета получить степень „доктора безправія“ *honoris causa*. Университетъ будетъ подчиненъ охранному отдѣленію, но въ то же время совершенно независимъ... отъ здраваго смысла и академически-свободенъ... отъ честности. Во главѣ медицинскаго факультета станетъ, конечно, докторъ Дубровинъ, который будетъ заниматься двѣ каѳедры: „зубодробистики“ и „скуловоротики“. Въ качествѣ доцента по каѳедрѣ „ручной хирургіи“ будетъ приглашенъ почтенный московскій палачъ Фроловъ, пребывающій нынѣ въ отставкѣ. Деканомъ городскаго факультета будетъ назначенъ присяжный повѣренный Булацель. Курсъ „гражданскаго безправія“ будетъ читать Шмаковъ; сторонній преподаватель Крушеванъ будетъ читать „погромологию“ и вести практическія занятія по своей каѳедрѣ. Мѣсто декана филологическаго факультета займетъ академикъ

Соболевскій, снискавшій извѣстность въ наукѣ дононительскими письмами въ редакцію „Новаго Времени“. Университетъ будетъ имѣть типографію; завѣдываніе ею, какъ мы слышали, поручается опытному типографу, ротмистру Комиссарову. Студентамъ присвоивается особая форма — гороховое пальто и значекъ союза русскаго народа. Практическія занятія будутъ состоять въ разбрасываніи прокламацій с. р. н., участіи въ обыскахъ, выемкахъ, выслѣживаніи нелегальныхъ изданій и погромахъ. Наиболѣе способные юноши будутъ назначены стипендіатами охраннаго отдѣленія. Въ каникулярное время молодежь будетъ выѣзжать для практическихъ занятій въ провинцію. Предстоитъ рядъ выѣздовъ въ Кишиневъ, Гомель, Бѣлостокъ, Одессу, Сѣдлецъ. Стоустая молва называетъ также имена будущихъ почетныхъ членовъ университета, которымъ предстоитъ быть избранными въ первую голову. Это—гг. Суворинъ, Меньшиковъ, Буренинъ, Грингмутъ и Левъ Тихомировъ. Послѣднему будетъ преподнесена почетная степень „доктора предательства“ и альбомъ видовъ Швейцаріи.

Какая роскошная, умилительная перспектива расцвѣта истинно-русской науки рисуется нашимъ восхищеннымъ взорамъ! Возрадуемся, возликуемъ и возблагодаримъ провидѣніе, судившее намъ жить въ такую славную, культурную эпоху.

М. М. М.

Изъ пѣсень покаянія.

Ахъ, пока намъ улыбалось
Небо солнце и жандармы,
На алтарь богини красной
Все несли охотно вдаръ мы.
Запылавши отъ восторга,
Наши вспрыгнувшія души
Поднялись на шумъ прибоя
Съ глубины дремавшей лужи.
Въ дымокъ розовой надежды
Утопали мягко дали,
Намъ казалось, что и вправду
Мы боролись и страдали.
Тѣма ласкалась нѣжно къ солнцу,
Человѣкъ дружилъ со звѣремъ,
Обнимался и братался
Съ дымной хатой барскій теремъ.
Все спѣшило, все летѣло
Стоязычной вереницей
За твоею, мать свобода,
Тріумфальной колесницей.
Даже мишка косолапый,

Врагъ волненія и тревоги,
Соглашался, что ужасенъ
Теплый смрадъ его берлоги.

* * *

Только вдругъ исчезли крылья,
Оборвалась наша греза,—
И очнулись мы на кучѣ
Древнерусскаго навоза.
Что жъ, мятежная рабыня,
Что хорошаго дала ты?
На спинѣ, какъ и на сердцѣ
Только шрамы да заплаты...
Пусть прекрасны эти сказки
Эти гимны свѣтлой бурѣ,
Но нельзя же жить на небѣ
Вопреки тѣлесной шкурѣ...
И теперь мы это солнце
Погасить бы сами рады;
Ахъ, пускай горятъ во мракѣ
Наши прежнія лампы.

Альми.

Слава Гурко.

Великъ и славенъ честный Гурко.
Отецъ былъ храбръ, и сынъ таковъ.
Отецъ билъ на голову турка,
Сынъ бьетъ по брюху мужиковъ.

Хмурый.

О вкусахъ не спорять.

Люблю овесъ, сказалъ, вздыхая,
Однажды Гуркѣ Дурново.
А тотъ въ отвѣтъ:—„Мука ржаная
По мнѣ пріятнѣе всего“.

Хмр.

Изъ Ю. Гольдберга.

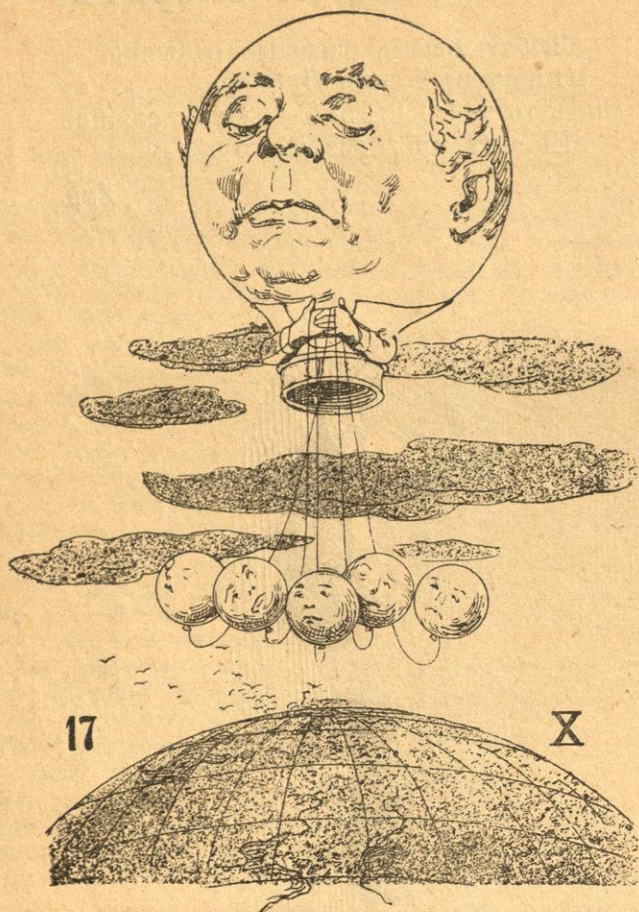
Нравы тѣ-же—жесты новы,
Тотъ же хмѣль—да въ новыхъ жбанахъ,
Новый говоръ—звукъ въ немъ прежній.
Тѣ-же моды—въ новыхъ странахъ.

Новый парусъ—къ старой лодкѣ,
Новый курсъ—и тотъ съ изъяномъ,
Та-же лестъ—да способъ новый,
Тѣ-же средства—къ новымъ ранамъ.

Та-же пыль—на новыхъ щеткахъ,
Въ новыхъ пѣсняхъ—тѣ-же тоны,
Та-же власть—но въ новыхъ плеткахъ
Въ новыхъ залпахъ—тѣ-же стоны.

А. М.

Д О.

Надъ бѣднымъ истерзаннымъ краемъ.

Надъ бѣднымъ, истерзаннымъ краемъ
 Зловѣщая туча ползла:
 Все ближе, все громче раскаты,
 Все гуще небесная мгла.
 Стопились и люди и звѣри,
 Имъ чудились казни суда,
 Съ мольбою смѣшались проклятья,
 Съ любовью сплеталась вражда...
 Все ближе и ближе... сверкнуло...
 Ударъ заглушаетъ ударъ,
 И вихри кружились и небо дрожало,
 И вспыхнулъ багровый пожаръ.
 Гроза миновала, и пепломъ покрытый
 Очнулся весь край, какъ отъ тяжкаго сна,
 Цвѣты расцвѣтали; на мѣръ обновленный
 Съ улыбкой лазурной взглянула весна.
 Грозюю омыты всѣ гнойныя раны,
 Разорваны цѣпи—наслѣдье вѣковъ,
 И гордые звуки свободы и счастья
 Смѣнили бряцанье позорныхъ оковъ.

А. М.

Отрывокъ изъ трагедіи „Наканунъ“

Дѣйствіе 1-ое: „Репетиція“

На сценѣ полуопустошенный кабинетъ министровъ, изъ котораго бывшіе жандармами курьеры только что вынесли почти всю мебель; направо отъ зрителей нѣсколько плотно сдвинутыхъ креселъ, представляющихъ министерскую ложу въ Государственной Думѣ; въ самомъ центрѣ—стулъ, изображающій трибуну послѣдней.

Заслуженные городовые, стоящіе налѣво отъ зрителей и до сихъ поръ не понимающіе, зачѣмъ ихъ сюда привели, олицетворяютъ собою депутатовъ.

Режиссеръ, удивительно похожій на Побѣдоносцева, усиленно звонитъ; когда министры успокаиваются, онъ тихо обращается къ заслуженнымъ городовымъ съ просьбой быть внимательными и „производить безпорядокъ“ не по своему личному усмотрѣнію, а лишь послѣ извѣстнаго сигнала.

Режиссеръ

Я—„Муромцевъ“... Угодно-ль, господа, Вамъ выслушать министровъ?

Городовые.

(Тономъ „здравія желаемъ“)
 Просимъ!.. да!..

Режиссеръ.

(къ премьеру).

Прошу покорнѣйше...

Премьеръ выходитъ изъ
 ложи, затѣмъ направляетъ
 ся къ стулу...

Режиссеръ

(останавливая его)

Ахъ, Боже, Боже правый!

Вы недруга еще не изучили нравы:
Видъ долженъ быть въ минуту эту—бравый,
Врагу смотрѣть въ глаза здѣсь надобно въ
упоръ!

(Укоризненно).

Не знаете вы это до сихъ поръ!

Краснѣйте, сударь мой, стыдитесь!..

(Смягчивъ тонъ).

Но—къ дѣлу... Вы сперва—вернитесь,
Затѣмъ, какъ слѣдуетъ, на этотъ стулъ
взберитесь!

*Премьеръ, немного скон-
фуженный, возвращается къ
своимъ коллегамъ въ ложу.*

Режиссеръ.

(повторяетъ испорченное явленіе)
Я—„Муромцевъ“... Угодно-ль, господа,
Вамъ выслушать министровъ?

Городовые.

Просимъ!.. Да!..

Режиссеръ

Прошу покорнѣйше!..

*Премьеръ, гордо поднявъ
голову и выпятивъ грудь,
увереннымъ шагомъ идетъ
къ стулу, вызываясь глядя
на изумленныхъ городскихъ,
и съ трудомъ взгромоздив-
шись на „трибуну“, оглу-
шительнымъ голосомъ чи-
таетъ свою роль по тет-
радкѣ.*

Премьеръ.

„Свободы“—е-рун-да!

О, депутаты, трепещите!..

Режиссеръ

(спокойно).

Здѣсь руку вверхъ приподнимите.

Премьеръ

(поднимаетъ руку).

*Городовые, по сигналу ре-
жиссера, кричатъ неистово,
съ кровью налитыми гла-
зами.*

Меня вы не перекричите!
Мой голосъ вашихъ всѣхъ звучнѣй...
Я глупыхъ не люблю затѣй...
Я—врагъ нелѣпыхъ декламаций!
Я—составитель деклараций,
Въ которыхъ тѣхъ всегда громлю,
Кто угрожаетъ мнѣ...

Режиссеръ

(перерываетъ восторженно)

Хвалю!!

Вы въ роль свою вошли прекрасно...
О, васъ поставить не опасно
Предъ сворою трудовиковъ!
Десятки, сотни ихъ свистковъ
Не заглушатъ вашъ голосъ зычный!..

(пожимая руки премьеру).

Прелестно, сударь мой!.. Отличный,
Замѣтный были-бъ вы актеры!—

(захлебываясь).

Что за осанка! что за взоръ!

Что за волшебные оттѣнки!..

Да, Думу вы припрете къ стѣнкѣ,—

Я многихъ въ этомъ убѣждалъ!..

Премьеръ.

Благодарю... не ожидалъ...

Режиссеръ.

Всему скажите кабинету,

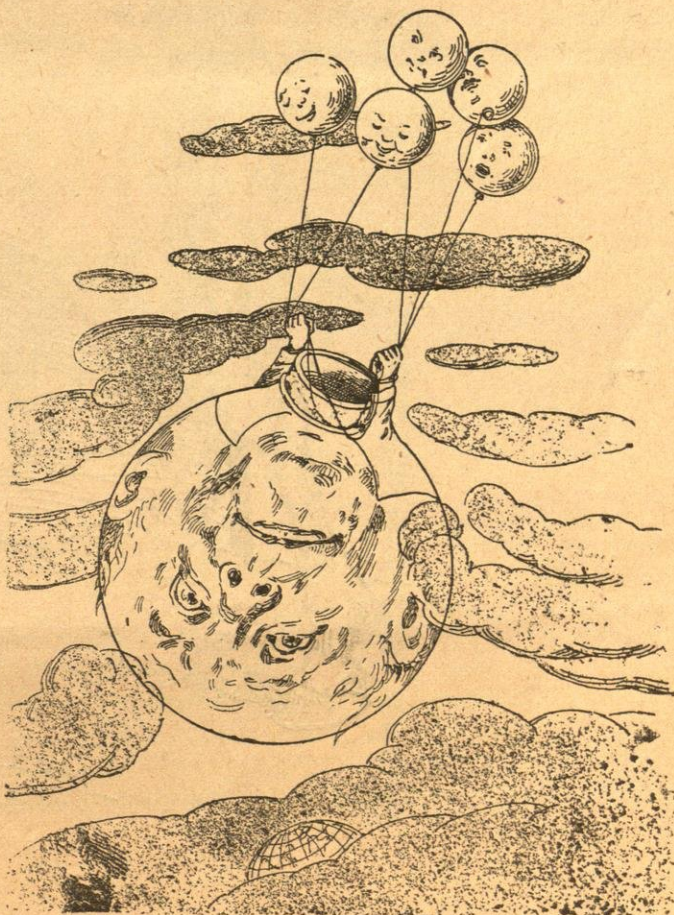
Что диктатура—нашъ паролъ!..

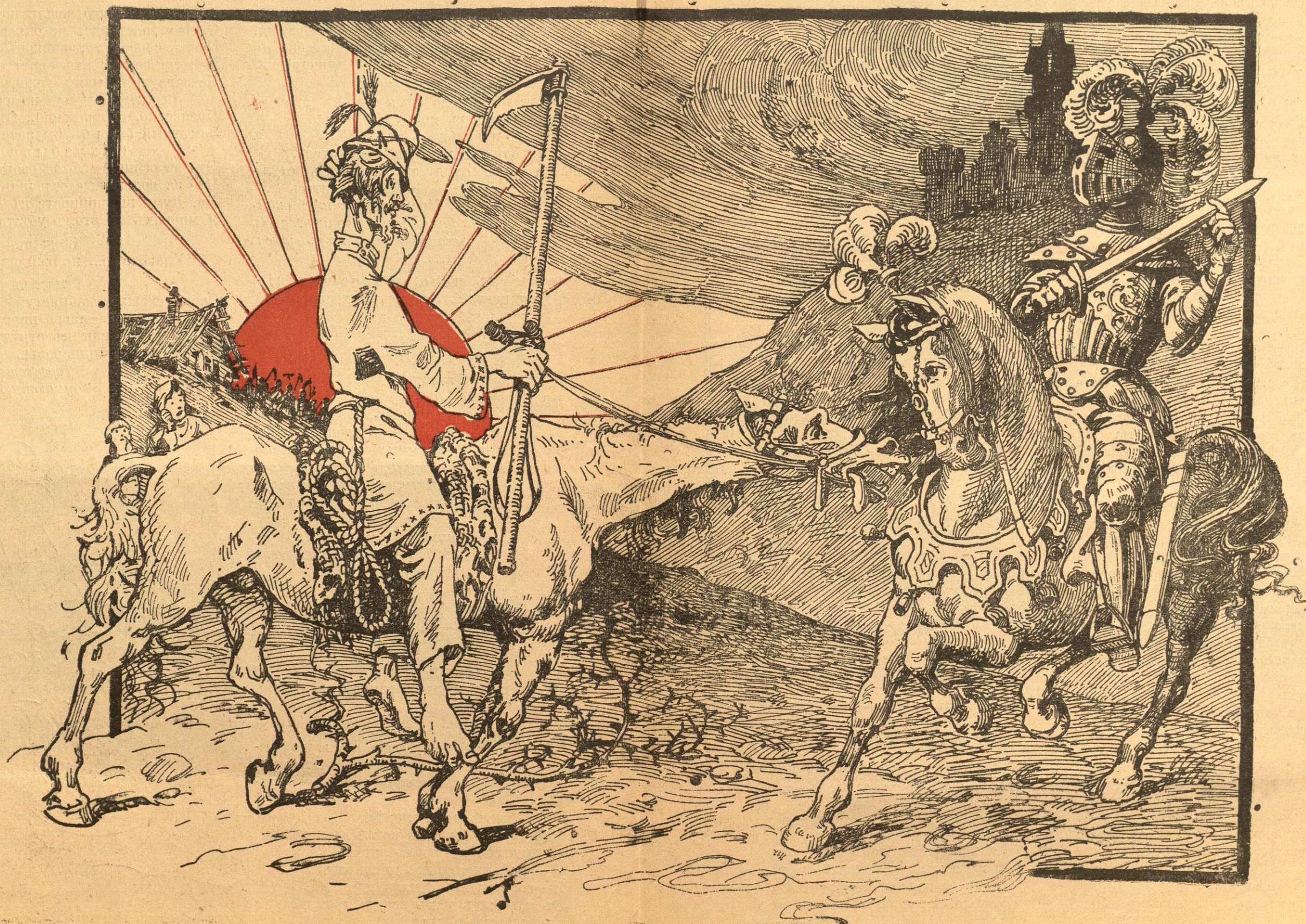
Мы подготовлены къ отвѣту,

Мы нашу выучили роли!..

*Торжественная пауза; всѣ
думаютъ о третьей Думѣ.
Метроманъ.*

ПОСЛѢ.

Письмо иностранца изъ Россіи на родину.

Недавно мнѣ довелось набрести на улицѣ на валявшійся клочекъ бумаги. Думая, что это билетъ государственной ренты, я сначала даже не хотѣлъ поднять его, какъ вещь неимѣющую никакой цѣны. Но любопытство взяло верхъ: я поднялъ бумажку и на досугѣ прочиталъ ее. Она оказалась обрывкомъ письма иностранца на родину, къ своему другу. Нашъ бытъ очень своеобразно отразился въ умѣ европейца, который былъ, по-видимому, совсѣмъ сбивъ съ толку нашей дѣйствительностью, и мнѣ хочется подѣлиться съ читателями моей находкою.

....„Финансы блестящи, золота въ странѣ совершенно нѣтъ, но это не отъ нужды, а потому, что русскіе презираютъ его (оно называется по русски „презрѣнный металл“) и цѣлыми вагонами вывозятъ за границу, скромно, но врожденному славянскому смиренію, довольствуясь бумажными знаками. О богатствѣ населенія свидѣлствуетъ взысканіе, наложенное недавно въ Москвѣ на одного извозчика, который былъ за слишкомъ быструю ѣзду оштрафованъ въ 400 рублей. Судите, дорогой другъ, каковъ долженъ быть бюджетъ этого джентльмена—извозчика: я увѣренъ, что онъ беретъ не менѣе 500 рублей за одинъ конецъ. Личныя услуги здѣсь оплачиваются настолько высоко, что одинъ либеральный министръ для переѣзда на новую квартиру, находящуюся въ полумилѣ отъ прежней, получилъ изъ казны десять тысячъ рублей. Культура стоитъ до того высоко, что населеніе рѣшительно ни въ чемъ не нуждается, работы дѣвать некуда, и благодаря этому образовалось цѣлое сословіе „безработныхъ“, процвѣтающее и все растущее. Судопроизводство отличается небывалой нигдѣ скоростью. Повѣрите ли вы, что недавно въ одной судебной палатѣ былъ объявленъ приговоръ по дѣлу ровно за одинъ часъ до начала слушанія этого дѣла.

Большинство учебныхъ заведеній въ Россіи, хотя и не интернаты, но все-же закрыты. Во главѣ правленія стоятъ министры, несущіе строгую отвѣтственность предъ Господомъ Богомъ на Страшномъ Судѣ Его; въ эту же инстанцію жители направляютъ свои жалобы на неправильныя дѣйствія полицейскихъ властей. Населеніе вѣритъ въ разныхъ боговъ, изъ которыхъ важнѣйшіе и чаще всѣхъ поминаемые — „Авось“, „Небось“ и „Ничево“. Изъ здѣшнихъ племенъ особенно любопытно племя „врачей“; (не смѣшивайте „врачей“ и „команчей“: послѣдніе жили въ Сѣверной Америкѣ); говорятъ, что кто входитъ въ соприкосновеніе съ „врачами“, тотъ заранѣе можетъ считать себя мертвымъ...

Дальнѣйшая рукопись, къ сожалѣнію, была разборчива.

Хмурый.

ГРАФЪ

Суетится сѣ-премьеръ,
До рекламы падкій.
Передъ нимъ интервьюеръ,—
И, конечно, сладкій.

Русь онъ хочетъ все спасти,—
Неизмѣнно рьяный...
А за нимъ, какъ тѣнь, какъ тать,
Дурново—овсяный...

Это графу не съ руки.
Онъ—и такъ, и этакъ.

„Ахъ, ce sont des пустяки!
Выдумки газетокъ!

Я почти съ нимъ незнакомъ.
Только на поклонахъ...
Онъ споткнулся?—подѣломъ...
Слишкомъ слабъ въ законахъ!

Напишите: я готовъ
Возвратиться къ власти
И, не трогая основъ,
Успокою страсти“.

Баронъ Н. Пенстемонъ.

17. С. 10. 1906

Басенки Яна Леманьскаго.

(Съ польскаго).

Благородный Левъ

Охотникъ, встрѣтивши льва, у котораго болѣла лапа, спросилъ его, что съ нимъ случилось. — „Да что-то влѣзло въ лапу, посмотри пожалуйста“. Охотникъ поладѣлъ, вынулъ колючку изъ раны, промылъ ее и, довольный своей жалостливостью, съ радостно бьющимся сердцемъ, хотѣлъ уйти. Но звѣрь зарычалъ: — „Постой, торопиться некуда“. Вымолвивъ это, онъ схватилъ охотника здоровой лапой и, убивъ его, съѣлъ съ большимъ аппетитомъ, потому что былъ голоденъ.

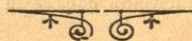

Пустынникъ и Медвѣдь.

Пустынникъ такъ крѣпко подружился съ Медвѣдемъ, что они стали неразлучны. Однажды Пустынникъ спалъ, а по лицу его ползала муха. Видя это, Медвѣдь отгонялъ ее прочь до тѣхъ поръ, пока Пустынникъ не проснулся. А когда онъ всталъ, они заговорили о совсѣмъ другихъ предметахъ, и Медвѣдь такъ и забылъ объ этомъ случаѣ. Такъ что Пустынникъ и до сей поры не знаетъ, какъ Медвѣдь спасъ ему жизнь.

Голубь и Пчела.

Видя тонущую пчелу, среброперый Голубь бросился къ ней на помощь и вытащилъ ее за крылышко на берегъ. Спасши Пчелу отъ смерти, онъ сталъ думать, какая его ждетъ награда за это. А такъ какъ отъ Пчелы, кромѣ меду, онъ ничего ждать не могъ, то онъ съѣлъ ее самое и вскорѣ, въ наказаніе за это, былъ подстрѣленъ охотниками.

Пропадай моя карета.

Хоръ.

Пропадай моя телѣга!...
Народная пѣсня.

Мы министры. На полсвѣта
Славны наши чудеса
Пропадай моя карета.
Всѣ четыре колеса!
Ой, свобода, безъ привѣта
Отцвѣла твоя краса.
Пропадай моя карета,
Всѣ четыре колеса!
Русскимъ солнцемъ не пригрѣта
Унеслась ты въ небеса.
Пропадай моя карета,
Всѣ четыре колеса!

Демократа и кадета—
Срѣжетъ наша всѣхъ коса.
Пропадай моя карета,
Всѣ четыре колеса!
Пикни хоть словцо газета,—
И захлопнемъ въ полчаса.
Пропадай моя карета,
Всѣ четыре колеса!
Конституція отпѣта,
Нынче наша полоса.
Пропадай моя карета,
Всѣ четыре колеса!

Хмурый.

Нашъ прогрессъ.

(Историческія параллели).

Былое съ нынѣшнимъ сравните!
Еще Владиміръ-князь хозарамъ
Сказалъ:—„Веселье Руси пити“...
И онъ сказалъ это не даромъ.
Мы всѣ, отъ князя до холопа,
Дивили пьянствомъ Византію.
Ея ужъ нѣтъ,—но вся Европа
Еще дивится на Россію.
Какъ нынѣ, хлѣбъ мы вывозили;
Какъ встарь, зато плодимъ голодныхъ.
Встарь батожьемъ холопьевъ били,
А нынче гражданъ бьютъ свободныхъ.

Доносы писывалъ Булгаринъ,
А нынче ихъ строчить Суворинъ.
Жметъ бюрократъ, какъ жаль татаринъ.
Прогрессъ нашъ, право, очень споренъ.
Хмурый.

* * *

Ниспадала золоченая парча,
Въ частыхъ складкахъ, словно солнце, ярко
рдѣла,
Облегая холеное тѣло
Палача...
Чтобы ею могъ украситься палачъ,
Слѣпнулъ въ ямѣ полутемной и холодной
И больной, и слабый, и голодный
Ткачъ...

В. Одинокій.

Новѣйшій энциклопедическій словарь.

А.

Абонентъ.—Любопытствующее существо, *нынѣ*, ввиду особаго спроса на печатное слово, сильно рискующее своими взносами.

Б.

Биржа.—Храмъ воздвигнутый Меркурію извѣстному своимъ покровительствомъ двумъ сословіямъ.

В.

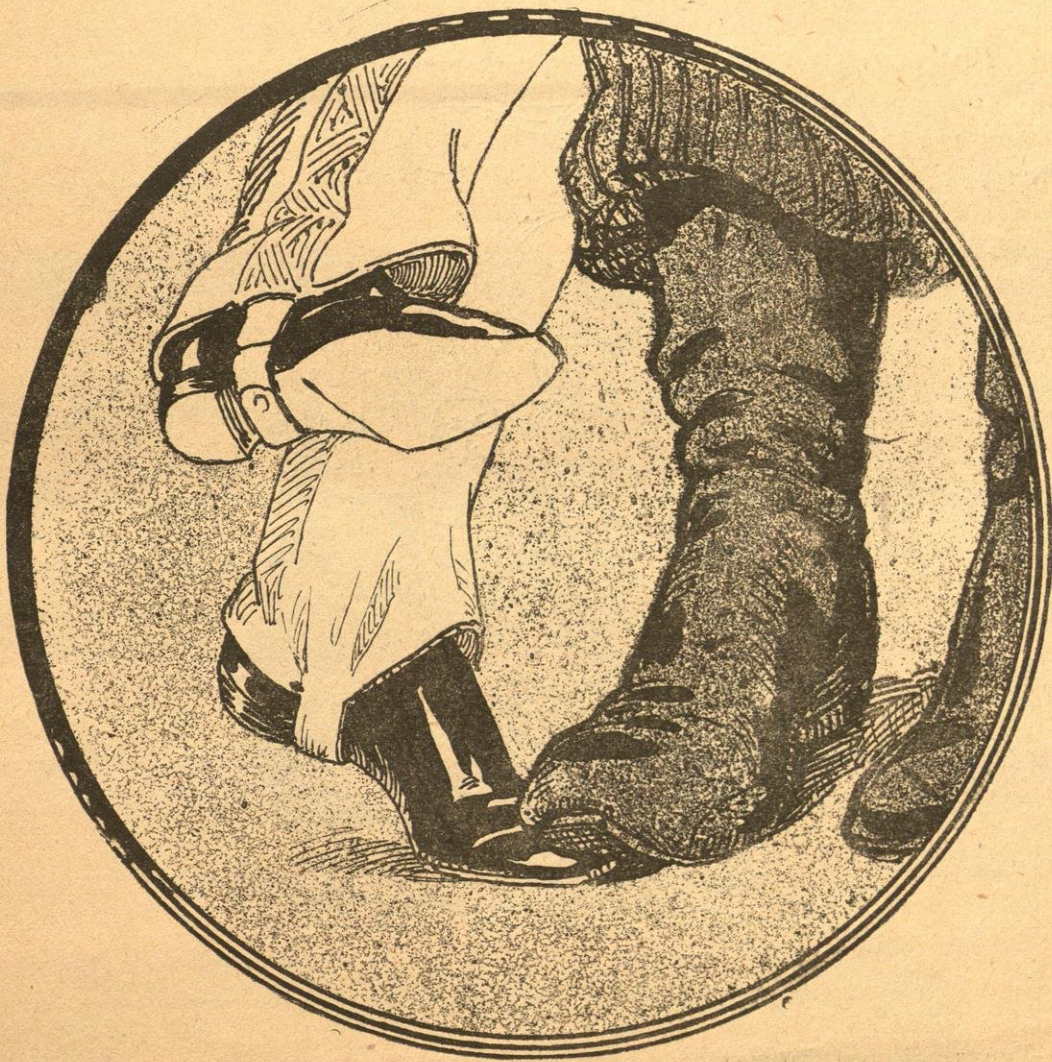
Вистѣлица.—Орудіе милосердія для возвышенія униженныхъ.

Г.

Голодь.—Самое опасное состояніе пустого желудка безпомощныхъ невольныхъ постниковъ. Принадлежность таковыхъ къ крамольникамъ еще не достаточно доказана.

Д.

Дума.—Конституціонное растеніе, — главная представительница рода „*Mimosa pudica*“. Обладаетъ особенной чувствительностью. Это свойство заставляетъ ее закрываться, когда до нея дотрагиваются, — почему и носитъ названіе: „*Noli me tangere*“.

Е.

Еврей.—Названіе человѣка, котораго изъ за названія не признаютъ человѣкомъ.

Ж.

Журналистъ.—Субъектъ безъ чиновъ. Слѣдовательно безчинный.

З.

Забастовка.—Любимое развлеченіе гг. капиталистовъ.

И.

Интендантъ.—Фокусникъ особаго рода. Говорятъ, что не поперхнется, если даже сразу проглотитъ миллионъ аршинъ полотна.

І.

Іоаннъ.—Извѣстный пастырь, который очень „чудесно“ уходитъ отъ грозившей не ему опасности,

К.

Конситуція.—Г-мъ... кто, въ наше время, не знаетъ что это за штука.

Л.

Лидваль.—Господинъ съ неимовѣрнымъ аппетитомъ: поѣдаетъ одинъ *количество хлѣба достаточное* для нѣсколькихъ губерній. По отзывамъ начальства, выработался въ человѣка съ большими „задатками“.

М.

Минусъ. — Другъ-пріятель нашего министра финансовъ.

Н.

Нахлобучка.—Спеціальный терминъ употребляемый властью имущими въ разговорѣ съ редакторами.

О.

Обыскъ. — Способъ ознакомленія съ имущественнымъ положеніемъ гражданина.

П.

Погромъ. — Праздникъ „истинно-русскихъ“ людей.

Р.

Рента.—Легкомысленная особа, съ наклонностью „падать“, не—смотря на поддерживающіе ее столбы, веревки и т. п.

С.

Сенатъ.—Учрежденіе отмѣняющее то... бишь, разъясняющее законы.

Т.

Твердая власть.—См. Тормазь.

Тормазь.—Аппаратъ задерживающій или останавливающій свободное движеніе.

У.

Упекли. — Слово особыхъ поясненій не требующее.

Ф.

Форма. — Нѣчто дающее въ Россіи особія привилегіи.

Х.

Хламъ.—Новѣйшій непроницаемый матеріалъ употребляемый съ успѣхомъ при постройкѣ судовъ отечественнаго флота.

Ц.

Цеховая. — См. „Эстеръ, Гурко, Лидваль“

Ч.

Чинь. — Слово, по всей вѣроятности, китайскаго происхожденія.

Ш.

Шпикъ. — Существо, по чему-то, ни разу не упоминаемое въ „Жизни Животныхъ“ Брэма.

Щ.

Щи. — Кушанье изъ за котораго произошла русская революція.

Ъ.

Ъсть. — Слово крамольное и наказуемое, — если произносится голодающими.

Э.

Этапъ. — Прогулка предписываемая правительственными цѣлителями для „нездоровыхъ членовъ общества“.

Ю.

Юморъ. — Сатирическій способъ веселаго выраженія мыслей во время печальныхъ событій.

Я.

Якутскъ. — Мѣстность гдѣ отдыхаютъ Россійскіе литераторы.

Ө.

Өемида. — Особа, которая почти всегда своей повязкой вводитъ въ заблужденіе власть имущихъ.

М. С. Погодинъ

Воскресеніе Лазаря.

Издательство „Распространитель“.

Пушкинская 19, кв. 17.) (Телефонъ № 51—82.

ГАЗЕТЫ:

„ИЗВѢСТІЯ СОВѢТА БЕЗРАБОТНЫХЪ ЮМОРИСТОВЪ“,
„САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“.

Цѣна отдѣльному выпуску 5 коп.

ЖУРНАЛЫ:

„НОЧЬ“, „РАПИРА“, „ЕЖЬ“, „КОМЕТА“,
„ВОДОЛАЗЪ“ и „МАЛЕНЬКІЙ ЖУРНАЛЪ“.

Цѣна 6 коп., 8 коп., 10 коп., и 15 коп.

БРОШЮРЫ:

М. Я. ГЕРЦЕНШТЕЙНЪ, съ портретомъ. Цѣна 10 коп.
ДЕНЬ ГНѢВА, Риделя 15 коп.

ПАРЛАМЕНТЪ НАСѢКОМЫХЪ Ю. В. ГОЛЬДБЕРГА. Цѣна 15 коп.

Принимаются къ изданію всякаго рода сочиненія на выгодныхъ
условіяхъ.